

DOI 10.15826/qr.2020.1.453

УДК 94(519)"1950/1953"+94(470)"1950/1953"+316.774:654.19+32.019.5

ОЦЕНКИ АМЕРИКАНСКОЙ РАЗВЕДКОЙ СОВЕТСКОЙ, КОРЕЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ГОДЫ КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЫ*

Валерий Юнгблюд

Денис Садаков

Вятский государственный университет,
Киров, Россия

US INTELLIGENCE ESTIMATES ON THE SOVIET, CHINESE, AND NORTH KOREAN PROPAGANDA CAMPAIGNS DURING THE KOREAN WAR**

Valery Yungblud

Denis Sadakov

Vyatka State University,
Kirov, Russia

During the Korean War of 1950–1953, one of the dimensions of confrontation between the communist countries and the UN camp was information confrontation. The USSR, the PRC, and the DPRK were active in this sphere. Their propaganda exposed real and imaginary war crimes and “atrocities” by the American imperialists. The myth about the use of bacteriological weapons by the United States in Korea was widespread. Also, propaganda supported the legend of Chinese people’s volunteers. At the same time, materials from the propaganda campaigns of the USSR, the People’s Republic of China, and the Democratic People’s Republic of Korea were used by the American special services as a source of information about the enemy’s plans.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00501). Статья является продолжением исследования, опубликованного в предыдущем номере журнала [Юнгблюд, Садаков, 2019].

** *Citation:* Yungblud, V., Sadakov, V. (2020). US Intelligence Estimates on the Soviet, Chinese, and North Korean Propaganda Campaigns during the Korean War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 150–163. DOI 10.15826/qr.2020.1.453.

Цитирование: Yungblud V., Sadakov V. US Intelligence Estimates on the Soviet, Chinese, and North Korean Propaganda Campaigns during the Korean War // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 150–163. DOI 10.15826/qr.2020.1.453 / Юнгблюд В., Садаков Д. Оценки американской разведкой советской, корейской и китайской пропаганды в годы Корейской войны // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 150–163. DOI 10.15826/qr.2020.1.453.

This function was performed by the Foreign Broadcast Information Service (FBIS). This agency's analytical conclusions constituted a significant part of the intelligence information flow received by the country's highest authorities. The article discusses the content and direction of information flows of the socialist states' mass media. Additionally, it considers the main directions of the propaganda activity of the USSR, the PRC, and the DPRK, the "special place" Soviet propaganda occupied in the information war, and the content of radio broadcasts and other media of the socialist countries. The source base of the research includes declassified FBIS documents, mass media materials, documents of the US State Department, and various narrative sources. The authors conclude that although FBIS specialists identified differences between the strategic approaches used by Moscow, Pyongyang, and Beijing, the country's leadership often ignored this information and preferred to follow its own "homework".

Keywords: Korean War; Soviet propaganda; US Intelligence; Foreign Broadcast Information Service; internationalisation of internal conflict; death of Stalin.

В годы Корейской войны 1950–1953 гг. противоборство коммунистических стран и коалиции ООН включало и информационное противостояние. СССР, КНР и КНДР активно действовали на этом направлении. Пропаганда разоблачала реальные и мнимые военные преступления американских империалистов. Широко распространялся миф о применении США бактериологического оружия, советская пропаганда поддерживала легенду о китайских народных добровольцах. Материалы пропагандистских кампаний СССР, КНР и КНДР часто использовались спецслужбами США в качестве источника информации о планах противника. Эту функцию выполняла Информационная служба по радиовещанию из-за рубежа (*Foreign Broadcast Information Service*, FBIS). Выводы аналитиков этого ведомства составляли существенную часть разведывательной информации, поступавшей в распоряжение высшего руководства страны. В статье рассмотрены содержание и направленность информационных потоков СМИ социалистических государств, основные направления пропагандистской активности СССР, КНР и КНДР, обособленное место советской пропаганды, содержательные особенности радиовещания и иных материалов из социалистических стран. Источниковая база исследования – рассекреченные документы FBIS, материалы СМИ, документы Государственного департамента США, разнообразные нарративные материалы. Делается вывод о том, что, хотя специалисты FBIS выявляли различия в стратегических подходах Москвы, Пхеньяна и Пекина к решению многих проблем, руководство страны часто игнорировало эти сведения и предпочитало следовать собственным «домашним заготовкам».

Ключевые слова: война в Корее; советская пропаганда; разведка США; Информационная служба по радиовещанию из-за рубежа; интернационализация внутреннего конфликта; смерть Сталина.

Информационные войны являются неперменной составляющей современных межгосударственных конфликтов, а материалы пропагандистских кампаний становятся объектом для аналитической работы разведслужб. В условиях внутренней закрытости социалистических режимов в годы холодной войны американская разведка пыталась максимально задействовать любые доступные виды информации, свидетельством чему служит работа ЦРУ США по анализу материалов СМИ СССР, КНР и КНДР в годы Корейской войны (1950–1953).

В США системным анализом материалов открытых иностранных источников занималась Информационная служба по радиовещанию из-за рубежа (*Foreign Broadcast Information Service, FBIS*), которая была создана в 1941 г., а в 1947 г. вошла в структуру ЦРУ. В поле зрения этого ведомства попадали не только радиостанции, но и печатные издания – центральные газеты СССР, КНР и КНДР. В аналитических обзорах сотрудников FBIS, как правило, давалась обобщенная информация о публикациях и передачах широкого спектра, не всегда конкретно указанных СМИ. Документы этой службы, относящиеся к 1950–1953 гг., были рассекречены только в 2010 г. Они существенно расширили корпус материалов по данной теме, но до настоящего момента практически не были задействованы в историографии¹.

Среди работ по истории FBIS можно назвать монографию бывшего сотрудника этой службы Дж. Рупа, а также статью С. Меркадо, но оба этих труда посвящены преимущественно периоду Второй мировой войны и не затрагивают вторую половину 1940-х гг. [Roop; Mercado]. В современной российской историографии проблемы эффективности советской пропаганды и ее роли в достижении внешнеполитических целей СССР во время Второй мировой войны и на ранней стадии холодной войны исследовались В. О. Печатновым и В. В. Поздняковым, но также на материалах более ранней истории [Печатнов; Позняков]. Восприятие же пропагандистских кампаний СССР и дружественных ему режимов аналитическими службами разведки западных стран, в том числе и США, предметом специального изучения не становилось.

Данные FBIS за первую половину 1950 г. не давали поводов заподозрить скорую атаку коммунистов. Одной из главных тем радиопропаганды Москвы и Пхеньяна в последние мирные недели июня 1950 г. являлись парламентские выборы в Республике Корея, состоявшиеся 30 мая [FBIS. 1950, 1950–06–01, 1950–06–08]. Радио КНДР призывало корейских патриотов способствовать срыву «уничтожающих страну» выборов и заявляло о том, что проживавшие на юге корейцы массово отказывались голосовать и активизировали партизанскую войну против правящего режима [Там же].

¹ Об истории пропаганды участников конфликта см.: [Casey; Gabroussenko; Pickowicz].

Важным направлением коммунистической пропаганды была поддержка выдвинутого Единым демократическим отечественным фронтом² предложения о мирном объединении страны [FBIS. 1950, 1950-06-15, 1950-06-22]. Этот лозунг рассматривался посольством США в Корее как сильный, но чисто пропагандистский шаг, предпринятый с целью создания противовеса результатам недавних выборов. Коренных изменений в военной ситуации на полуострове не ожидалось [FRUS, 1950, vol. 7, p. 99-100].

25 июня 1950 г. началось полномасштабное наступление Корейской народной армии (КНА) на юг. Первый этап Корейской войны (25 июня – середина сентября 1950 г.) характеризовался крупными успехами КНА, взявшей под контроль большую часть полуострова. Эти действия преподносились коммунистами как ответ на агрессию со стороны Республики Корея. Практически сразу последовала интернационализация конфликта, легитимированная резолюциями № 82 (25.06.1950 г.), № 83 (27.06.1950 г.) и № 84 (07.07.1950 г.) Совета Безопасности ООН, предусматривавшими прямое участие в войне на стороне Республики Корея войск США, их союзников и пожелавших присоединиться к ним под флагом ООН государств [см. подробнее: Юнгблюд, Садаков, 2018].

Действия США Пхеньян первое время игнорировал, предпочитая использовать старые клише, клеймя «лисынмановскую банду предателей», организовавшую вторжение на территорию КНДР, которое «заставило» Север предпринять ответные меры. В рамках этого дискурса звучали призывы к свержению режима Ли Сын Мана и освобождению южной части полуострова во имя восстановления единства страны [FBIS. 1950, 1950-06-29]. В Министерстве обороны США признавали успехи пропаганды коммунистов, отмечали, что Ли Сын Ман не пользовался на севере полуострова популярностью, а Пхеньян сумел сформировать враждебное отношение жителей КНДР к южной администрации. Исходя из этих посылок, делался вывод о том, что «политическое воссоединение Кореи (по сценарию Республики Корея. – В. Ю., Д. С.) станет сложным делом» [FRUS, 1950, vol. 7, p. 506].

27 июня 1950 г. американцы впервые сбили северокорейский истребитель. Пхеньян в ответ тут же заявил, что терпение корейского народа заканчивается и «американские империалисты должны немедленно уйти с полуострова» [FBIS. 1950, 1950-06-29]. С точки зрения коммунистов, «злые намерения» Вашингтона в отношении Кореи не были чем-то новым, поскольку США повторяли путь старых колониальных империй, а ООН делила с ними ответственность [FBIS. 1950, 1950-07-07]. Риторика северокорейской пропаганды быстро стала неистовой. Американцев обвинили в стремлении поработить корейский народ, в связи с чем в начале июля Ким Ир Сен

² Созданная в 1946 г. по инициативе командования советских войск в Корее организация, объединявшая политические партии Северной и Южной Кореи.

призвал сограждан «еще беспощадней уничтожать врага» и «стереть американских мародеров и их наймитов с лица отечества» [FBIS. 1950, 1950–07–13].

Еще один тезис, эффективность которого признавали американцы, гласил, что конфликт в Корее является «войной, где белые люди отстреливают азиатов». В Государственном департаменте с тревогой наблюдали за тем, какой широкий резонанс подобные заявления имели в странах Востока, где были живы и действенны образы недавнего колониального прошлого. Рассматривались различные способы нейтрализации политического и психологического эффекта подобных обвинений [Галенович, с. 499; FRUS, 1950, vol. 6, p. 256–257; FRUS, 1950, vol. 7, p. 285–286]. По мере продвижения КНА на юг СМИ Пхеньяна приводили множественные примеры бесчеловечного обращения солдат армии противника с мирным населением и военнопленными. Как варварство квалифицировалось использование американцами стратегической авиации для бомбардировок мирных городов, больниц, ферм, школ и иных гражданских объектов [FBIS. 1950, 1950–07–13, 1950–07–27, 1950–08–10, 1950–08–17, 1950–08–24, 1950–09–08].

Риторика Москвы, по мнению аналитиков ЦРУ, была более спокойной и доказательной, однако по тематике мало отличалась от северокорейской [FBIS. 1950, 1950–08–10, 1950–08–17]. Позиция СССР была обнародована 28 и 30 июня в газете «Правда», на страницах которой американцев обвиняли в незаконной агрессии против КНДР [Правда, 1950, 28 июня; Правда, 1950, 30 июня]. В ответ на происки империалистов, согласно данным советских СМИ, трудящиеся СССР сыпали обвинениями в адрес американских разжигателей войны [FBIS. 1950, 1950–07–07] и отвечали на американскую провокацию в Корее новыми стахановскими достижениями [FBIS. 1950, 1950–07–13]. По мнению посла США в Москве А. Кэрка, заявления СССР означали, что Москва продолжит придерживаться выжидательной тактики и сохранять видимость нейтралитета [FRUS, 1950, vol. 7, p. 253]. Специалисты ЦРУ по советской пропаганде также пришли к выводу, что обвинения СССР по накалу не выходят за рамки обычного для Москвы клеймения американских империалистов [FBIS. 1950, 1950–06–29].

В начале осени 1950 г. усилия США по оказанию помощи властям Республики Корея и конструированию принимающей прямое участие в войне международной коалиции ООН стали приносить свои плоды. 15 сентября началось контрнаступление сил Объединенных Наций, и КНА потерпела серию тяжелых поражений. События на фронте сказались и на характере коммунистической пропаганды. Заявления о победах сменились репортажами о героическом сопротивлении, партизанских акциях и нанесении тяжелых потерь войскам ООН [FBIS. 1950, 1950–09–28, 1950–10–04, 1950–10–18, 1950–11–01]. Помощь Москвы не афишировалась. СССР, согласно пропагандистским материалам, ограничивался моральной поддержкой.

Советские СМИ также были не склонны распространяться о деталях сотрудничества: даже важное радиообращение Ким Ир Сена «Не сдаваться!» ими приводилось в купированном виде – из него исключались отсылки к советской и китайской поддержке Северной Кореи [FBIS. 1950, 1950–10–18, 1950–11–01]. Параллельно продолжались разоблачения американской агрессии. К прежним обвинениям добавилось новое – стремление монополий нажиться на войне [Правда, 1950, 2 окт.; FBIS. 1950, 1950–09–28, 1950–10–04, 1950–10–18, 1950–11–01, 1950–11–15]. Москва и Пхеньян выступили с заявлениями об использовании американцами японских войск в качестве «пушечного мяса»³ [FBIS. 1950, 1950–09–28, 1950–10–18]. Последнее обвинение было рассчитано на внутрикореysкую аудиторию, которая, учитывая колониальное прошлое страны, была чувствительна к новостям о появлении японских войск в стране.

В конце октября 1950 г. в войне наметился новый поворот: подразделения армии КНР под видом народных добровольцев перешли границу с КНДР и вступили в боевые действия. Внезапность вмешательства сделала свое дело – войскам ООН пришлось отступать на юг. Одной из ключевых задач советской пропаганды в этот период стало поддержание легенды о китайских добровольцах. Их участие в войне Москва объясняла близостью Корейского полуострова к КНР и тем, что «американская агрессия на самом деле нацелена на Китай, а не только на Корею» [FBIS. 1950, 1950–11–15]. В то же время советские СМИ распространяли информацию о зверствах «фашистов янки», которые смелы, только находясь в безопасности [FBIS. 1951, 1951–02–08]. Позитивные материалы о китайцах печатались и озвучивались гораздо реже, что позволило ЦРУ сделать вывод о том, что Москва не желает, чтобы ее ассоциировали с вмешательством Пекина в конфликт [FBIS. 1950, 1950–12–29]. Северокорейская пропаганда, напротив, всячески превозносила «братскую помощь» китайских добровольцев, которая воодушевила северокорейскую армию и партизан [FBIS. 1950, 1950–11–29]. Успехи на фронте существенно повысили уровень оптимизма пропаганды коммунистов. В Пхеньяне 1951 г. был объявлен «годом победы».

К середине 1951 г. повышенное внимание в советских СМИ стало уделяться двум темам – доходам монополистов США от войны и внутриамериканской оппозиции продолжению конфликта. Данная проблематика занимала более половины общего объема сообщений о ситуации в Корее [FBIS. 1951, 1951–05–03].

Важное место в пропагандистских материалах СССР, КНР и КНДР занимал вопрос применения американцами оружия массового поражения. Всплеск интереса к этой теме в декабре 1950 г. был вызван тем,

³ В составе коалиции ООН японского корпуса не было. Но после капитуляции Японии в 1945 г. на территории Южной Кореи осталось большое количество японских военнослужащих, в том числе и родившихся на территории Кореи. Они принимали участие в создании армии Южной Кореи и в боевых действиях.

что президент Г. Трумэн во время пресс-конференции 30 ноября сообщил о возможности использования атомного оружия и о том, что решение о его применении будет принимать командующий войсками ООН в Корее генерал Д. Макартур [Brands, p. 1–3]. Позднее президент пытался сгладить эффект своего заявления, но при каждом удобном случае этот фрагмент интервью припоминался советскими, китайскими и северокорейскими СМИ [FBIS. 1951, 1951–10–11]. Для этого имелись основания – заявления о готовности применить ядерное оружие присутствовали в высказываниях руководителей США самого высокого ранга в течение всей войны вплоть до подписания перемирия в июле 1953 г. Современные исследования показывают, что эти заявления не всегда были голословными [Dingman, Hitchcock, p. 103–105].

Существенное распространение в этот период также получила информация об использовании американцами бактериологического оружия. Эти сведения появлялись в советских СМИ, а также в периодической печати и радиовещании Китая и Северной Кореи [Асмолов; Капица, с. 223; Leitenberg]. В качестве доказательства существования этого «бесчеловечного плана, разработанного под руководством генерала Д. Макарура японскими военными преступниками и специалистами по микробиологии», Москва приводила эпидемию оспы в КНДР, затронувшую 3,5 тыс. чел. [FBIS. 1951, 1951–05–17].

Детали якобы имевших место преступлений американцев раскрывало вещание Пхеньяна, согласно которому Макартур использовал Японию в качестве базы для производства бактериологического оружия. Эпидемия оспы объявлялась результатом преднамеренных действий администрации США во время оккупации территории КНДР. В то же время Пхеньян с уверенностью заявлял, что «зверские акты вторгнувшихся американских войск против корейского народа не имели иного результата, кроме укрепления боевого духа подразделений КНА» [FBIS. 1951, 1951–05–24].

Эти обвинения создавали американцам проблемы на дипломатическом фронте⁴ [FRUS, 1952–1954, vol. 15, part 1, p. 211]. В ООН Малик громогласно требовал, чтобы США присоединились к Женевскому протоколу 1925 г. В ответ Вашингтон пытался перехватить инициативу и предлагал Международному комитету Красного Креста провести тщательное расследование всех случаев применения бактериологического оружия [Ibid., p. 343]. Иногда атомная и бактериологическая тематика переплеталась – так, в конце 1951 – начале 1952 г. Пхеньян обвинял американцев в использовании пленных в качестве «морских свинок» для испытания новых образцов оружия массового поражения [FBIS. 1951, 1951–10–25, 1951–12–20; FBIS. 1952, 1952–01–31].

⁴ Хотя Трумэн, Ачесон, Риджуэй и другие официальные лица многократно выступали с опровержениями обвинений в применении армией США бактериологического и химического оружия, эти кампании воздействовали на общественное мнение и создавали американцам существенные имиджевые и дипломатические проблемы. См.: [Condit, p. 126–127].

8 июля 1951 г. на Корейском полуострове в связи с тем, что боевые действия приобрели затяжной позиционный характер, при котором ни одна из противоборствующих сторон не могла достичь значимого перевеса, начался процесс обсуждения условий перемирия. С самого начала этого процесса ЦРУ обращало повышенное внимание на любые свидетельства готовности или неготовности Москвы, Пекина и Пхеньяна идти на урегулирование конфликта. Освещение переговоров в коммунистической прессе было неоднородным. В Москве уделяли мало внимания конкретным аспектам диалога, стремились в первую очередь подчеркнуть значение мирных инициатив СССР и главным препятствием для выработки компромиссных решений называли желание обитателей Уолл-стрит, оказывавших давление на Трумэна, нажиться на войне. По мнению ЦРУ, подобные заявления свидетельствовали о том, что двери для переговоров о перемирии пока остаются открытыми [FBIS. 1951, 1951-04-05, 1951-07-12].

Пекин вел себя более воинственно. В китайской печати сводки о переговорах часто соседствовали с сообщениями о сборе средств на очередной самолет или о новом наборе в военные учебные заведения [FBIS. 1951, 1951-07-12]. Пхеньян, в свою очередь, акцентировал внимание на трудностях, с которыми столкнулись США в Корее, а также на глубоких разногласиях командования американского контингента с сателлитами. В ЦРУ констатировали изменения в риторике КНДР – из пропагандистского контента постепенно ушло слово «объединение», которое сохранилось лишь в вещании на Южную Корею [FBIS. 1951, 1951-07-06, 1951-07-19]. Вероятно, на фоне наметившейся перспективы перемирия громогласные заявления на эту тему в Пхеньяне сочли неуместными.

По мере того, как переговоры постепенно заходили в тупик, северокорейские и китайские СМИ стали фокусироваться на спорных проблемах [FBIS. 1952, 1952-07-17, 1952-08-14, 1952-11-28; FBIS. 1953, 1953-04-09]. Принципиальное значение в дискуссиях об условиях перемирия занял вопрос о судьбе военнопленных и о процедурах их возвращения на родину после прекращения боевых действий. К началу 1952 г. отказ от принудительной репатриации северокорейских и китайских узников войны «как по гуманитарным, так и по пропагандистским соображениям» стал неотъемлемой частью американской позиции на переговорах [Foot, p. 96]⁵.

Разоблачения зверств американцев в отношении пленных стали постоянным мотивом репортажей. Большое внимание уделялось

⁵ К февралю 1952 г. в лагерях для военнопленных было сконцентрировано более 130 тыс. северокорейских и более 20 тыс. китайских военнослужащих и гражданских лиц. Согласно первоначальным американским заявлениям, подавляющее большинство из них после окончания войны не желало возвращаться на родину. Позднее выяснилось, что эти оценки были очень сильно завышены, тем не менее, около половины военнопленных после опроса все же отказались от репатриации в КНР и КНДР. См.: [Condit, 124-125; Foot, p. 96].

информации о восстаниях военнопленных в лагере на острове Коджедо в феврале и марте 1952 г., сопровождавшихся многочисленными жертвами [Condit, p. 125–126]. Данные обстоятельства заставили американцев ввести цензуру в отношении поступающих с острова сведений. Проблематика, связанная с судьбой военнопленных на юге Кореи, занимала большую часть пропагандистского вещания коммунистов фактически до конца 1952 г. [FRUS, 1952–1954, vol. 15, part 1, p. 309–310]. Обвинения в зверствах соседствовали с разоблачениями стремлений США продолжать агрессию под прикрытием мирных заявлений [FBIS. 1951, 1951–11–08].

В 1952 г. американцы продолжили наблюдать рост воинственности в риторике КНР и КНДР. Аналитики ЦРУ отмечали, что Пхеньян демонстрировал более высокую степень самоуверенности, нежели в начале 1951 г. [FBIS. 1952, 1952–02–14, 1952–03–13]. Тема перемирия сохранялась в повестке, однако она сочеталась с новой волной рассказов об американских преступлениях, которые постоянно обрастали подробностями. Так, с подачи коммунистов получила распространение информация о том, что США стали прибегать к бомбежкам конвоев, направлявшихся для участия в переговорах. Главными препятствиями для успеха переговоров назывались американские «порочные намерения» и попытки саботировать диалог [FBIS. 1952, 1952–01–05, 1952–01–31].

Советская пропаганда также активно публиковала свежую информацию об американских зверствах и использовала события на полуострове для продвижения собственных глобальных инициатив, в частности Пакта мира пяти держав⁶ [FBIS. 1951, 1951–09–07, 1951–11–23; FBIS. 1953, 1953–05–02].

Заметное место в пропагандистской кампании КНДР отводилось сотрудничеству и взаимовыручке социалистических стран. Пхеньян не скупился на хвалебные речи в отношении боевых друзей из Китая и на выражение благодарности СССР за помощь и поддержку [FBIS. 1952, 1952–02–14].

К середине 1952 г. примерно 16 % всего объема анализируемого ЦРУ коммунистического радиовещания было посвящено корейской проблематике. Американцы заключали, что пропагандистская кампания, направленная на разжигание ненависти к США, «по интенсивности, свирепости и вульгарности» была сравнима только с информационной войной против Германии в 1941–1945 гг. [FRUS, 1952–1954, vol. 15, part 1, p. 309]. Во второй половине года американцы стали отмечать наличие в пропагандистских материалах признаков готовности коммунистов завершить войну. В частности, китайцы стали уделять больше внимания вопросам внутренней политики, а северные корейцы – привычным разоблачениям Ли Сын Мана и внутренне-

⁶ Проект Пакта мира, подготовленного в СССР в 1949 г., содержал призыв ко всем государствам отказаться от применения силы в качестве инструмента разрешения международных споров.

рейским экономическим проблемам [FRUS, 1952–1954, vol. 15, part 1, p. 445]. Снижения градуса антиамериканизма в советских СМИ в конце 1952 – начале 1953 г. зафиксировано не было.

В начале ноября 1952 г. президентом США был избран Д. Эйзенхауэр. Одним из центральных пунктов своей предвыборной программы он сделал «быстрое, но почетное завершение Корейской войны» [Eisenhower]. С первых же дней пребывания в Белом доме ему пришлось испытать давление коммунистической пропаганды. В Пхеньяне Эйзенхауэра называли не иначе, как «воинственным и преданным слугой Уолл-стрит». Хотя и демократическая, и республиканская партии связывались коммунистами с этой знаменитой улицей, в тот момент северные корейцы заявляли, что американские монополисты ассоциировали с демократами поражение в Корее, в результате чего позволили республиканцам во время выборов капитализировать «ненависть американского народа к демократической партии за развязывание войны» [FBIS. 1952, 1952–11–20].

Пекин, в свою очередь, заявил, что выбранные новым президентом военные советники предлагают различные радикальные пути завершения войны – отправку на полуостров гоминьдановских войск, увеличение числа южнокорейских дивизий и наступление в направлении реки Ялу. Пропагандисты отмечали, что те же цели в свое время преследовал и генерал Макартур, и неготовность нового президента учесть уроки его поражения приведет лишь к очередному разгрому американцев [FBIS. 1952, 1952–11–20].

Существенные коррективы в развитие событий внесла смерть И. В. Сталина 5 марта 1953 г. 14 дней спустя Президиум ЦК КПСС утвердил документ о скорейшем завершении корейского конфликта [К завершению Корейской войны].

Пекин и Пхеньян поначалу продолжали придерживаться прежних пропагандистских стратегий. В эти дни они сделали несколько заявлений о неизбежности новых агрессивных действий со стороны США и их союзников, которые сопровождались противоречившими им публикациями о нехватке боеприпасов, разногласиях в рядах коалиции ООН и растущих сомнениях американцев в том, что они смогут выдержать очередное наступление коммунистов. Также КНР и КНДР попытались использовать находящихся в их распоряжении пленных солдат для давления на ход переговоров. Массовый характер приобрело распространение сообщений, в которых американцы и пленники из других контингентов выражали единственное пожелание – быстрее заключить перемирие и начать процесс репатриации. В ЦРУ предполагали, что эти сообщения тщательно редактировались коммунистами, хотя пленных и знакомили с их содержанием [FBIS. 1953, 1953–03–26].

Однако, как отмечает А. В. Торкунов, китайцы и северокорейцы не скрывали удовлетворения, получив известия о смене внешнеполитической линии Москвы [Торкунов, с. 272]. Соответственно, пропаганда коммунистов стала менять свой характер и была переориенти-

рована на оказание давления на США, дабы те шли на уступки в ходе переговоров [FRUS, 1952–1954, vol. 15, part 1, p. 1028]. К началу июня 1953 г. основные разногласия были преодолены. И Пхеньян, и Пекин объявили прогресс в ходе переговоров победой «лагеря мира, демократии и социализма». 18 июня 1953 г. незадолго до заключения перемирия северокорейцы заявили, что КНДР показала блестящий пример всем народам, борющимся за национальное освобождение [FBIS. 1953, 1953–04–16].

Отдельное место в пропагандистских акциях коммунистов занимали разоблачения деятельности «приспешника американского империализма» Ли Сын Мана. По мере прогресса в ходе переговоров акценты в их освещении смещались с описания деструктивной позиции представителей коалиции ООН на заявления об опасности невыполнения условий перемирия этим южнокорейским политиком [FBIS. 1953, 1953–06–18, 1953–07–30].

Соглашение о перемирии было подписано 27 июля 1953 г. Освещение итогов процесса мирного урегулирования в СССР, КНР и КНДР имело различную окраску. Москва стремилась преподнести прекращение боевых действий на полуострове как победу лагеря мира. Было объявлено о провале агрессивных планов американских империалистов, однако в связи с сохранением угрозы возобновления конфликта предлагалось «проявлять бдительность» и «крепить единство миролюбивых сил». Кроме того, Москва обещала помочь корейскому народу в деле восстановления страны. В ЦРУ, тем не менее, отмечали, что сердечные поздравления КНДР с победой контрастировали с тем, что СССР не удалось ассоциировать себя с успехом переговоров в Пханмунджоме в глазах мировой общественности [FBIS. 1953, 1953–08–06]. Пекин, напротив, продвигал информацию о своем масштабном участии в войне, но избегал комментариев на тему дальнейшей помощи режиму Ким Ир Сена. И Москва, и Пекин поддерживали идею объединения страны путем проведения межкорейской политической конференции [Там же]. Наконец, северокорейцы, наряду с выражением благодарности союзникам, большое внимание уделяли дальнейшему урегулированию. Ким Ир Сен призывал «все патриотические партии и социальные организации» пренебречь политическими и религиозными различиями и сплотиться вокруг Единого демократического отечественного фронта ради объединения Кореи [Там же].

На всем протяжении Корейской войны коммунистическая пропаганда привлекала внимание специалистов ЦРУ, которые отделяли ценную информацию от всевозможных трюков и фальшивок. В целом FBIS в годы Корейской войны выполняла впечатляющую работу, которая, однако, имела относительно малый практический эффект, главным образом из-за того, что выводы этой службы терялись в потоке агентурной и иной разведывательной информации.

История Корейской войны подтверждает мысль В. О. Печатнова о том, что «сложившийся стереотип советской внешней пропаганды

как “грозного оружия в руках партии” (или “Кремля”, в оценках Запада) нуждается в серьезном пересмотре» [Печатнов, с. 130]. Как таковая советская пропаганда «грозной» действительно не была. Данные о восприятии американцами советских материалов свидетельствуют о том, что за океаном чаще всего читали тексты прагматично, отделяя стержневые смыслы от присущего им идеологического шлейфа. Однако на стадии постижения смысла этих текстов дипломаты и государственные деятели США нередко испытывали неудачи. Хотя, казалось бы, многие нюансы взаимоотношений руководителей СССР, КНДР и КНР совершенно очевидным образом читались в пропагандистских материалах, разведка США не всегда могла адекватно их интерпретировать. Материалы FBIS демонстрировали различия в подходах Москвы, Пхеньяна и Пекина к решению многих проблем, однако руководство страны, как правило, предпочитало следовать идеологическим шаблонам и «домашним заготовкам» политиков и не принимало во внимание выводы специалистов по анализу иностранных пропагандистских материалов.

Список литературы

Асмолов К. В. Угрозы применения ядерного оружия и миф о бактериологической войне // Livejournal : [сайт]. 25.08.2010. URL: <https://makkawity.livejournal.com/1460029.html> (дата обращения: 12.05.2019).

Галенович Ю. М. Сталин и Мао. Два вождя. М. : Вост. книга, 2009. 574 с.

К завершению Корейской войны (1950–1953 годов) // Историко-документальный департамент МИД России : [сайт]. URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnyematerialy/-/asset_publisher/WsjViuPk1am/content/k-zaverseniu-korejskoj-vojny-1950-1953-godov-?inheritRedirect=false (дата обращения: 12.05.2019).

Катица М. С. На разных параллелях : Записки дипломата. М. : Книга и бизнес, 1996. 480 с.

Печатнов В. О. «Стрельба холостыми»: советская пропаганда на Западе в начале холодной войны (1945–1947) // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М. : Наука, 1999. С. 108–133.

Позняков В. Внешняя политика трех великих держав и образ союзников в советской пропаганде в годы Второй мировой войны, 1939–1945 гг. // Ялта. 1945 год. Проблемы войны и мира / под ред. А. Н. Баженова и О. А. Ржешевского. М. : РАН : Ин-т воен. ист. МО РФ, 1992. С. 165–179.

Правда. 1950. 28 июня, 30 июня, 2 окт.

Торкунов А. В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М. : РОССПЭН, 2000. 328 с.

Юнгблюд В. Т., Садаков Д. А. Дипломатическое обеспечение вмешательства США в Корейскую войну : Опыт кризисного реагирования // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2018. № 4 (61). С. 241–261. DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-241-261.

Юнгблюд В., Садаков Д. Роль Советского Союза в Корейской войне по оценкам разведки США // Quaestio Rossica. Т. 7. 2019. № 4. С. 1324–1338. DOI 10.15826/qf.2019.4.441.

Brands H. W. The General vs. the President. MacArthur and Truman at the Brink of Nuclear War. N. Y. : Doubleday, 2016. 448 p.

Casey S. Selling the Korean War: Propaganda, Politics, and Public Opinion in the United States, 1950–1953. Oxford : Oxford Univ. Press, 2010. 490 p.

Condit D. M. History of the Office of the Secretary of Defense. Middletown : US Government, Department of Defense, 2018. Vol. 2. Pentagon's Role in the Korean War, the Recall of MacArthur, Hydrogen Bomb, Truman and NATO. 537 p.

- Dingman R. Atomic Diplomacy during the Korean War // Intern. Security. Vol. 13. 1988–1989. Winter. No. 3. P. 50–91.
- Eisenhower D. Speech, I Shall go to Korea. October 25, 1952 // Eisenhower Presidential Library, Museum, and Boyhood Home : [website]. URL: https://www.eisenhower.archives.gov/education/bsa/citizenship_merit_badge/speeches_national_historical_importance/i_shall_go_to_korea.pdf (mode of access: 17.08.2019).
- FBIS. 1950 // Korean War CIA FOIA Release : [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1950/1950.htm> (mode of access: 17.08.2019).
- FBIS. 1951 // Korean War CIA FOIA Release : [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1951/1951.htm> (mode of access: 17.08.2019).
- FBIS. 1952 // Korean War CIA FOIA Release : [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1952/1952.htm> (mode of access: 17.08.2019).
- FBIS. 1953 // Korean War CIA FOIA Release : [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1953/1953.htm> (mode of access: 17.08.2019).
- FRUS. 1950. Vol. 1. Wash. : GPO, 1977. 947 p.
- FRUS. 1950. Vol. 2. Wash. : GPO, 1976. 1088 p.
- FRUS. 1950. Vol. 6. Wash. : GPO, 1976. 1581 p.
- FRUS. 1950. Vol. 7. Wash. : GPO, 1976. 1675 p.
- FRUS. 1952–1954. Vol. 15. Korea : in 2 Parts. Wash. : GPO, 1984. Part 1. 1151p.
- Gabroussenko T. From Developmentalist to Conservationist Criticism: The New Narrative of South Korea in North Korean Propaganda // The J. of Korean Studies. Vol. 16. 2011. No. 1. P. 27–61. DOI 10.1353/jks.2011.0008.
- Hitchcock W. The Age of Eisenhower. N. Y. : Simon & Schuster Paperbacks, 2018. 672 p.
- Leitenberg M. The Korean War Biological Weapon Allegations: Additional Information and Disclosures // Asian Perspective. Vol. 24. 2000. No. 3. P. 159–172.
- Mercado S. FBIS Against the Axis, 1941–1945 : Open-Source Intelligence from the Airwaves // Inside CIA: Lessons in Intelligence. N. Delhi : Lancer Publ., 2009. P. 220–229.
- Pickowicz P. Revisiting Cold War Propaganda: Close Readings of Chinese and American Film Representations of the Korean War // The J. of American-East Asian Relations. Vol. 17. 2010. No. 4. P. 352–371. DOI 10.1163/187656111X564298.
- Roop J. E. Foreign Broadcast Information Service. History. Part 1. 1941–1947. Langley : Central Intelligence Agency, 1969. 306 p.

References

- Asmolov, K. V. (2010). Ugrozy primeneniya yadernogo oruzhiya i mif o bakteriologicheskoi voine [The Threat of Nuclear Weapons Use and the Myth of Bacteriological War]. In *Livejournal* [website]. 25 Aug. URL: <https://makkawity.livejournal.com/1460029.html> (mode of access: 12.05.2019).
- Brands, H. W. (2016). *The General vs. the President. MacArthur and Truman at the Brink of Nuclear War*. N. Y., Doubleday. 448 p.
- Casey, S. (2010). *Selling the Korean War: Propaganda, Politics, and Public Opinion in the United States, 1950–1953*. Oxford, Oxford Univ. Press. 490 p.
- Condit, D. M. (2018). *History of the Office of the Secretary of Defense*. Middletown, US Government, Department of Defense. Vol. 2. Pentagon's Role in the Korean War, the Recall of MacArthur, Hydrogen Bomb, Truman and NATO. 537 p.
- Dingman, R. (1988–1989). Atomic Diplomacy during the Korean War. In *Intern. Security*. Vol. 13. Winter. No. 3, pp. 50–91.
- Eisenhower D. Speech, I Shall go to Korea. October 25, 1952. In *Eisenhower Presidential Library, Museum, and Boyhood Home* [website]. URL: https://www.eisenhower.archives.gov/education/bsa/citizenship_merit_badge/speeches_national_historical_importance/i_shall_go_to_korea.pdf (mode of access: 17.08.2019).
- FBIS. 1950. In *Korean War CIA FOIA Release* [website]. URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1950/1950.htm> (mode of access: 17.08.2019).
- FBIS. 1951. In *Korean War CIA FOIA Release* [website] URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1951/1951.htm> (mode of access: 17.08.2019).

FBIS. 1952. In *Korean War CIA FOIA Release* [website] URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1952/1952.htm> (mode of access: 17.08.2019).

FBIS. 1953. In *Korean War CIA FOIA Release* [website] URL: <http://www.ibiblio.org/korean-war-cia-foia-releases/1953/1953.htm> (mode of access: 17.08.2019).

FRUS. 1950. Vol. 1. (1977). Wash., GPO. 947 p.

FRUS. 1950. Vol. 2. (1976). Wash., GPO. 1088 p.

FRUS. 1950. Vol. 6. (1976). Wash., GPO. 1581 p.

FRUS. 1950. Vol. 7. (1976). Wash., GPO. 1675 p.

FRUS. 1952–1954. Vol. 15. Korea: in 2 Parts. (1984). Wash., GPO. Part 1. 1151 p.

Gabroussenko, T. (2011). From Developmentalist to Conservationist Criticism: The New Narrative of South Korea in North Korean Propaganda. In *The J. of Korean Studies*. Vol. 16. No. 1, pp. 27–61. DOI 10.1353/jks.2011.0008.

Galenovich, Yu. M. (2009). *Stalin i Mao. Dva vozhdya* [Stalin and Mao. Two Leaders]. Moscow, Vostochnaya kniga. 574 p.

Hitchcock, W. (2018). *The Age of Eisenhower*. N. Y., Simon & Schuster Paperbacks. 672 p.

K zaversheniyu Koreiskoi voiny (1950–1953 godov) [For the End of the Korean War (1950–1953)]. In *Istoriko-dokumental'nyi departament Ministerstva inostrannykh del Rossii* [website]. URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnye-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpkIam/content/k-zaverseniu-korejskoj-vojniny-1950-1953-godov-?inheritRedirect=false (mode of access: 12.05.2019).

Kapitsa, M. S. (1996). *Na raznykh parallelyakh. Zapiski diplomata* [On Different Parallels. A Diplomat's Notes]. Moscow, Kniga i biznes. 480 p.

Leitenberg, M. (2000). The Korean War Biological Weapon Allegations: Additional Information and Disclosures. In *Asian Perspective*. Vol. 24. No. 3, pp. 159–172.

Mercado, S. (2009). FBIS Against the Axis, 1941–1945. Open-Source Intelligence from the Airwaves. In *Inside CIA: Lessons in Intelligence*. N. Delhi, Lancer Publ., pp. 220–229.

Pechatnov, V. O. (1999). “Strel'ba kholostymi”: sovetskaya propaganda na Zapad v nachale kholodnoi voiny (1945–1947) [“Shooting Blanks”: Soviet Propaganda for the West at the Beginning of the Cold War (1945–1947)]. In *Stalinskoe desyatiletie kholodnoi voiny: fakty i gipotezy*. Moscow, Nauka, pp. 108–133.

Pickowicz, P. (2010). Revisiting Cold War Propaganda: Close Readings of Chinese and American Film Representations of the Korean War. In *The J. of American-East Asian Relations*. Vol. 17. No. 4, pp. 352–371. DOI 10.1163/187656111X564298.

Poznyakov, V. (1992). Vneshnyaya politika trekh velikikh derzhav i obraz soyuznikov v sovetskoj propagande v gody Vtoroi mirovoi voiny, 1939–1945 gg. [The Foreign Policy of the Three Great Powers and the Image of Allies in Soviet Propaganda during the Years of World War II]. In Bazhenov, A. N., Rzheshhevskii, O. A. (Eds.). *Yalta. 1945 god. Problemy voiny i mira*. Moscow, RAN, Institut voennoi istorii Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii, pp. 165–179.

Pravda [Pravda]. (1950). 28 June, 30 June, 2 October.

Roop, J. (1969). *Foreign Broadcast Information Service. History*. Part 1: 1941–1947. Langley, Central Intelligence Agency. 306 p.

Torkunov, A. V. (2000). *Zagadochnaya voina: koreiskii konflikt 1950–1953 godov* [The Mysterious War: The Korean Conflict of 1950–1953]. Moscow, ROSSPEN. 328 p.

Yungblud, V., Sadakov, D. (2018). Diplomaticeskoe obespechenie vmeshatel'stva SShA v Koreiskuyu voynu. Opyt krizisnogo reagirovaniya [Diplomatic Support of US Involvement in the Korean War, 25 June – 6 July 1950. Crisis Response Experience]. In *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 4 (61), pp. 241–261. DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-241-261.

Yungblud, V., Sadakov, D. (2019). Rol' Sovetskogo Soyuza v Koreiskoi voine po otsenkam razvedki SShA [The Role of the USSR in the Korean War as Estimated by US Intelligence]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 4, pp. 1324–1338. DOI 10.15826/qr.2019.4.441.